ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья УДК 398 (470.621) ББК 82.01 (2Рос. Ады) Г 97

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-2-297-179-185

Адыгская (черкесская) народная лирика: к вопросу генезиса и эволюции

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru

Аннотация:

В статье предпринимается попытка установить процесс выделения лирики как рода словесного искусства, когда оно еще находилось в стадии начального синкретизма. Устанавливаются как особенности этнической словесной культуры, так и общие закономерности эволюции родов, видов и жанров фольклора и литературы. Рассмотренный материал позволяет предположить, что первоначальным было разделение на драму и эпос, а на относительно более поздней стадии произошло формирование лирики как явления, черпающего конкретный материал из произведений эпических и драматургических. Важным источником является также ситуативный контекст, богатый источниками, стимулирующими эмоциональную сферу. Катализатором процесса является эволюция общественного сознания, что приводит к поискам гармонии между интересами личности и этнического сообщества. Характерной особенностью является то, что обращение к внутреннему миру человека не разрушает коллективное сознание, а, напротив, вызывает интерес к духовной стороне каждого человека со стороны коллектива.

Ключевые слова: эпос, драма, лирика, синкретическое искусство, эволюция, личностное восприятие, коллективное сознание, ситуативный контекст

Для цитирования: А.М. Гутов. Адыгская (черкесская) народная лирика: к вопросу генезиса и эволюции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 2 (297). С. 179-185. DOI 10.53598/2410-3489-2022-2-297-179-185.

Original Research Paper

Adyghe (Circassian) folk lyrics: on genesis and evolution

Adam M. Gutov

Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru

Abstract:

The paper attempts to establish the process of distinguishing lyrics as a kind of verbal art when it was still at the stage of initial syncretism. Both the peculiarities of ethnic verbal culture and the general patterns of evolution of genera, types and genres of folklore and literature are established. The material considered suggests that the division into drama and epic was the initial one, and at a relatively later stage, the formation of lyrics as a phenomenon that draws specific material from epic and dramatic works took place. An important source is also the situational context, rich in sources that stimulate the emotional sphere. The catalyst of the process is the evolution of social consciousness, which leads to the search for harmony between the interests of the individual and the ethnic community. A characteristic feature is that the appeal to the inner world of a person does not destroy the collective consciousness, but, on the contrary, arouses interest in the spiritual side of each person from the collective.

Keywords: Epic, drama, lyrics, syncretic art, evolution, personal perception, collective consciousness, situational context

For citation: Gutov A.M. Adyghe (Circassian) folk lyrics: on genesis and evolution // Bulletin of Adyghe State University, Series: Philology and Art Criticism, 2022. No. 2 (297). P. 179-185. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-2-297-179-185.

Введение.

Лирика определяется как род словесного искусства, акцентирующий внимание на выражении внутренних переживаний индивидуума. По всеобщему мнению, в центре лирического произведения непременно предполагается минирующий фактор личностного восприятия. Если признать со всей определенностью, в традиционной триаде эпос, драма, лирика последнее устанавливается по принципу исключения: то, что не нарратив (не эпос) и не драма, это лирика. Соответственно, в специальной литературе широко используются в сочетании с понятием «лирика» разнообразные определения, обозначающие типы песен или стихотворений, не всегда отражающих внутреннее состояние или тонкости мировосприятия индивидуальности. Это ставшие общепринятыми терминологические сочетания наподобие следующих: «бытовая «пейзажная лирика», лирика», «обрядовая лирика» «необрядовая лирика». Последнее примечательно тем, что обряд может быть по форме коллективным, и фактор личностного восприятия в нем не обязателен: он либо вовсе отсутствует, либо оказывается слабо выраженным. Иными словами, к

данному роду принято относить поэтические произведения, в архитектонике которых присутствие развернутого сюжета и личностного фактора не играет решающей роли. В то же время стихотворная форма, также признаваемая атрибутивным признаком, позволяет использовать данное слово в качестве родо-видового обозначения поэтических феноменов, имеющих развернутый сюжет (например, такие формы, как поэма и баллада, устойчиво обозначающиеся термином «лиро-эпические жанры»). Г.Н. Поспелов выделяет особую разновидность под названием «повествовательная лирика» [1: 157-177]. Учитывая названные обстоятельства, есть основания признать за данным словом употребление его в двух значениях. Первое – более широкое, оно употребительно для обозначения чуть ли не всех разновидностей произведений, имеющих стихотворную форму, от народного эпоса до интимной лирики. Второе употребительно для выделения тех поэтических феноменов, в которых налицо не только формальные признаки, но и семантические, то есть произведения стихотворной формы, в своем содержании призванные отражать внутренний мир личности.

Материалы и методы.

Основной источник материалов — полевые записи фольклора, часть которых опубликована в научных изданиях. Метод исследования — историко-сравнительный.

Обсуждение.

Справедливо считается, что разделение явлений словесного искусства на три основных рода ведет свое начало еще со времен Античности. Между тем и Платон, и Аристотель четко называли только эпос и драму, но относительно лирики их суждения были весьма расплывчаты несмотря на то, что лирическая поэзия была у древних греков весьма развита [2: 111-163]. Нельзя считать случайным, что Р. Уэллек и О. Уоррен утверждают однозначно: «Эти три категории (три рода) различаются уже у Платона и Аристотеля "видом подражания"» [3: 244]. Однако «лирика» в качестве термина, обозначающего род словесного искусства, даже не употребляется ни у Платона, ни у Аристотеля, на что обращает внимание Г.Н. Поспелов: «Для Аристотеля лирика, видимо, входила в общий состав кифаристики» [1: 3-4]. Несмотря на это, надо признать, что, по своей сути, суждение американских исследователей не противоречит логике советского ученого, хотя фактом остается отсутствие у Аристотеля и Платона самого термина с его четким определением.

Как мы полагаем, вопрос осложняется тем, что драма и эпос идентифицируются не только по форме исполнения, но и по структурным параметрам: повествование с актуализацией в процессе исполнения или на письме - эпос, ролевое распределение с установкой на сценическое воплощение или игру - драма. Лирика же такого очевидного внешнего атрибутивного признака не имеет. Видимо поэтому на передний план выдвигается форма несмотря на то, что и эпическое повествование, и драматургическое произведение могут иметь все внешние признаки стиховой организации текста, а наиболее пространные монологи в нем (особенно в драме) – содержать признаки личностного восприятия. Что же касается выражения в литературном произведении индивидуальных переживаний и внимания к чувствам и восприятию личности, важно отметить правомерность термина «лирическая проза», что подтверждено многими блистательными литературными образцами, нередко размывающими грань между прозой и поэзией. Следовательно, форму выражения также нельзя считать единственно верным критерием дефиниции. Реалистичнее будет признать часто наблюдаемое отсутствие четких границ между основными родами словесного искусства и вытекающую из этого некоторую условность принятых классификаций, а также существование множества реальных случаев органического единства, порою даже нераздельности, между драмой, эпосом и лирикой [4].

При этом мы ведем речь не только о феноменах архаической синкретической стадии искусства, как о том писал А.Н. Веселовский, но также и об авторских произведениях, профессионально созданных современными поэтами письменной культуры. Относительно происхождения данного рода Г.Н. Поспелов солидарен с А.Н. Веселовским, хотя и оговаривает, что тот уделил недостаточно внимания роли прозаических жанров фольклора в образовании трех основных родов - эпоса, драмы, лирики [5: 157-159]. Немецко-американский филолог и психолог Хайнц Вернер автор исследования «Происхождение лирики», обращает внимание на социально-психологический фактор возникновения лирики. Он полагает, что суть не столько в синкретизме, сколько в органической эволюции искусства, приводящей к смене фокуса внимания исполнителя: в одном случае/эпизоде явление описывается предельно объективно, от третьего лица, в другом внимание акцентируется на личностном восприятии, обусловленном ситуативно [6].

исследователей, Большинство которые пишут о природе лирики, – в их числе специалисты в области теории литературы, авторы энциклопедических статей или монографических трудов по данной теме, признают особенно важным то, что она призвана держать в фокусе внимания тонкости индивидуального восприятия и переживаний. В то же время само понятие «лирика» чаще используется теми же самыми авторами в его расширительном значении, охватывающем не только подлинную лирику, но также почти все поэтические жанры фольклора и литературы. Одним из первых, кто под данным понятием осознанно понимает именно субъективное восприятие и его отражение, был Гегель, который с определенностью заявляет: «...Если в лирическом выражает себя именно субъект (курсив автора), то для него вначале достаточно будет и самого незначительного содержания. Ибо подлинным содержанием становится здесь сама душа, субъективность как таковая, так что все дело в чувствующей душе, а не в том, о каком именно предмете идет речь» [7: 495-496].

Те из авторов, которые рассматривают данное явление, специально не акцентируя внимание на его истории, более склонны считать основным признаком лирики именно индивидуальное восприятие. В таком ключе выполнена сугубо литературоведческая работа Л. Гинзбург «О лирике» [8]. В своих суждениях она исходит из того, что при всей остроте личностного самовыражения лирическая поэзия не утрачивает своей социальной природы, поскольку интерес к внутреннему миру личности мотивирован в нестепени воспринимающей средой: «Для нас уже неприемлемо некогда бытовавшее понимание лирики как непосредственного выражения чувств данной единичной личности. Подобное непосредственное выражение было бы не только неинтересно <...>, но и невозможно,

поскольку искусство - это опыт одного, в котором многие должны найти и понять себя» [8: 6-7]. Автор обращает внимание на родовую особенность искусства вообще: независимо от того, актуализируется ли в формальных параметрах произведения отношение целого коллектива или же как бы выражается видение отдельного лица, оно призвано пробуждать интерес со стороны многих, чему есть ряд причин. В их числе то, что человек по своей природе существо социальное, а потому внутренний мир, манифестируемый автором от лица героя, содержит в себе долю общезначимых компонентов. Помимо того, явление искусства становится таковым постольку, поскольку имеется не только сторона, совершающая действие, но также воспринимающая и оценивающая, без участия которой нет понятия прекрасного. Наконец, сопереживание вызывается способностью человека переносить на себя эмоциональное состояние другого лица, что делает личность частью общества.

Возвращаясь к вопросу о том, почему во времена Античности при довольно высоком развитии лирической поэзии она не получила четкого определения в качестве рода словесного искусства, можно предположить, что она и не воспринималась как отдельный род искусства. Явление, квалифицируемое современными исследователями как лирическая поэзия, первоначально входило в контекст драматургического или же эпического произведения (например, плачи Гекубы и Андромахи над телом Гектора в «Илиаде», плач Ярославны в «Слове о полку Игореве»). Уместно будет заметить, что в текстах фольклорных произведений эпического плана лирические эпизоды также могут быть вполне органическими частями более объемного целого. В данном плане характерна песня «Сатаней плачет по Сосруко», уцелевший фрагмент из адыгского нартского эпоса [9: 161-163]. Это монолог матери, которая стоит на высоком кургане и в ожидании сына, отправившегося за добычей, изливает свои переживания. Песня по своей форме лирична, хотя в плане стилистическом не порывает с эпической манерой, что проявляется даже в структурно-аналитическом переводе:

<...> На ту сторону Пщиза...
Я тебя за добычей отправляю...
А сама, переживая, ...
Над речной кручей стою...
В землю, на которой стою,
Утаптывая, по самые колени

Утаптывая, по самые колени врастаю...[9: 161-162].

Как правило, лирически выраженный фрагмент текста оказывается особо востребованным в эпизоде, наиболее насыщенном психологическим напряжением. В том, каким образом он сохранился, когда был утрачен предполагаемый более обширный эпический текст, заложен, по нашему мнению, один из путей выделения лирики: благодаря эмоциональной насыщенности монолог-тирада достигает относительной завершенности со своей собственной темой и благодаря этому при утрате более обширного контекста сохраняется, обретя статус полноправного поэтического явления.

В историко-героическом эпосе адыгов это обстоятельство породило оригинальную традицию: лирический компонент цикла стал восприниматься в сочетании с ситуативным контекстом, подробно излагаемым в предании. Как и в лирическом произведении развитой поэтической культуры, песенный героико-эпического текст содержания получает реальную возможность нести в себе выраженные признаки личностного отношения к действительности, что оказывается важным для перспектив последующей эволюции народной поэзии. Поэтому закономерно, что его естественное сочетание с мотивами героики побудило З.М. Налоева предложить как рабочий термин сочетание «лирико-героическая песня» [10: 48].

Скорее всего, сочетание героико-эпических и лирических мотивов, отмечаемое и в вербальном, и также музыкальном плане, следует признать как этнически маркированную особенность традиционного жанра. Помимо упомянутой песни о Сатаней-гуаше в архаическом эпосе мы находим и другие произведения, которые также можно идентифицировать как лирико-героические. В их числе «Песнь могучих нартов», которую мы характеризовали как сохранившийся сколок не дошедшего до нас большого эпического полотна [11: 88-89], и сказание и песня о смерти Сатаней-гуаше [9: 165-172].

Первое примечательно тем, что при характерном героико-эпическом пафосе, который проявлен в тональности мелодии, тематике, образной системе, текст не имеет стройной сюжетной линии. Музыкальная фактура характеризуется переплетением суровой сдержанности, типичной для архаического эпоса, воинской атрибутикой предметного мира (меч, кровь, войско, предводитель и пр.) с лирической тональностью протяжной песни. Неслучайно, что в музыкальном издании данное произведение включено не в том архаических нартских сказаний (что было бы логично при тематическом принципе отбора), а в собрание песен историкогероических - по характеру мелодии [12: 37-47]. Сказание же о Сатаней-гуаше представлено как единое произведение, где лирическая песня - органическая часть текста:

«Уей, уей, о цветок крупнобутонный,

Красным рубиновым глазком украшенный,

Желтым шелком отороченный, Снегом горных вершин сияющий, Взоры смотрящих радующий, Радости приумножающий,

О нартском мужестве напоминающий дар,

Жизнь украшающий <цветок>. Кто бы ни взглянул на тебя, ты его пленяешь.

Всякий к тебе слабость питает, Ты юности надежда, *Ты святой дар мечты!*» [9: 165-168] (Перевод наш).

Если «Песня могучих нартов» в тематическом плане, предметным атрибутам и торжественности мелодии еще могла быть причислена к старшему эпосу, то приведенный фрагмент – это заметный шаг в сторону поэтики младшего эпоса. С эпосом коррелирует только отнесение действия к временам нартов, помещаемых в отдаленном прошлом. Все это вместе с указанием на то, что с данным сюжетом связано исчезновение богатырского племени, позволяет признать, что названные произведения символизируют этап возникновения историко-героического эпоса как жанра со своими внешними признаками и поэтической системой, в которой наряду с героикой, культом подвига заметное место занимает лирический компонент.

Результаты исследования.

Достойно внимания, что для циклов ранней стадии младшего эпоса характерно обращение к архетипам или же иного рода реминисценции с эпосом архаическим. Так, сюжет цикла о Бора Могучем построен на мировой универсалии, известной как «эдипов комплекс» [11: 101-107], что обособляет данное произведение от большинства циклов младшего эпоса, где основной источник событийной основы - это реальная действительность. То же приложимо и к многосюжетному циклу об Андемиркане: здесь представлены несколько сказаний, истоки которых с очевидностью относятся к мифологическим нарративам. В то же время песня по своей структуре и композиционным особенностям с полным основанием почитается как героико-лирическая [13]. Песня Боры носит исповедальный характер, это предоставляет достаточно свободы для самовыражения личности, а стиль и тональность песни об Андемиркане сугубо эпические. И все же, хотя основа текста излагается от третьего лица, фрагменты с монологами от лица героя усиливают лирический компонент.

Несколько иным образом в данный ряд входит песня «Сетования Нартуга»: текст ее представляет собой монолог престарелого воина, рассказывающего об одном из своих подвигов. Однако необязательностью хорового сопровождения и сольным исполнением под аккомпанемент смычкового хордофона шикапшины музыкальная фактура тяготеет к архаическому эпосу. Лейтмотив песни - переживания личности, незаслуженно обделенной вниманием общества. Основная функция – признание подлинных достоинств героя, к образу которого уже применим термин «лирический герой».

Заключение.

Во всех приведенных случаях, от песни Сатаней-гуаше до сетований Нартуга, лирические мотивы еще не являются определяющими. Они, скорее всего, лишь в разной степени добавляют колорит в арсенале средств создания поэтического образа, но не претендуют на приоритетность в формировании художественного мира, который остается в пределах системы условностей героического эпоса. Однако лирическая тональность выступает уже как одна из важных составляющих в сложной системе поэтического стиля. Их усиление в более поздних циклах оказывается важным фактором, и на поздних стадиях эволюции младшего эпоса он стимулирует возникновение полноправной лирической песни со всеми типичными ее признаками изменениями в форме исполнения, включая мелодический строй, сменой воинской атрибутики на бытовую, полным доминированием личностного начала над коллективным.

Примечания:

- 1. Поспелов Г.Н. Лирика среди литературных родов. Москва: Изд-во МГУ, $1976.208~\mathrm{c}.$
  - 2. Аристотель и античная литература. Москва: Наука, 1978. 232 с.
  - 3. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. Москва: Прогресс, 1978. 328 с.
- 4. Паштова М.М. Черкесская (адыгская) народная лирика. Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. 262 с.

- 5. Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. Москва: Просвещение, 1972. 272 с.
- 6. Verner H. Die Ursprunge der Lyrik: Eine entwiklungspsychologische Untersuchung. Munchen: Reinhardt, 1924. 243 S.
  - 7. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. Москва: Искусство, 1971. 624 с.
  - 8. Гинзбург Л. О лирике. 2-е изд., доп. Ленинград: Сов. писатель, 1974. 408 с.
- 9. Нарты. Адыгский эпос. Первый том: Ранние циклы эпоса. Сосруко. Нальчик: Тетраграф, 2012. 424 с.
- 10. Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 656 с.
- $11.\Gamma$ утов А.М. Поэтика и стиль историко-героического эпоса адыгов. Нальчик: КБИГИ, 2021. 232 с.
- 12. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III, ч. 1. Москва: Сов. композитор, 1986. 264 с.
- 13. Адыгские историко-героические песни и предания. Т. 1: Андемиркан. Нальчик: КБИГИ, 2019. 430 с.

References

- 1. Pospelov G.N. Lyrics among literary genres. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1976. 208 pp.
  - 2. Aristotle and ancient Literature. Moscow: Nauka, 1978. 232 pp.
  - 3. Wellek R. and Warren Au. Theory of literature. M.: Progress, 1978. 328 pp.
  - 4. Pashtova M.M. Circassian (Adyghe) folk lyrics. Maikop: ASU, 2009. 262 pp.
- 5. Pospelov G.N. Problems of historical development of literature. M.: Prosveshchenie, 1972. 272 pp.
- 6. Verner, Heinz. Die Ursprunge der Lyrik: Eine entwiklungs psychologische Untersuchung. Munchen, Reinhardt: 1924. 243 S.
- 7. Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. Aesthetics. In 4 volumes, Vol. 3. M.: Iskusstvo, 1971. 624 pp.
- 8. Ginzburg, Lydia. About lyrics. 2nd ed., supplemented. L.: Soviet writer, 1974. 408 pp.
- 9. The Narts. The Adyghe epic. Vol. 1. Early cycles of the epic. Sosruko. Nalchik: Tetragraph, 2012. 424 pp.
- 10. Naloev Z.M. Studies on the history of the culture of the Adyghes. Nalchik: Elbrus, 2009. 656 pp.
- 11. Gutov A.M. Poetics and style of the historical and heroic epic of the Adyghes. Nalchik: KBIGI, 2021. 232 pp.
- 12. Folk songs and instrumental tunes of the Adyghes. Vol. III, Part 1. M.: Soviet composer, 1986. 264 pp.
- 13. Adyghe historical and heroic songs and legends. Vol. 1. Andemirkan. Nalchik, KBIGI, 2019. 430 pp.

Статья поступила в редакцию 30.04.22; одобрена после рецензирования 17.06.22; принята к публикации 23.06.22.

The article was submitted 30.04.22; approved after reviewing 17.06.22; accepted for publication 23.06.22.

© А. М. Гутов, 2022